

Л. Калюжная

Максим Горький (1868–1936)

Максим Горький (настоящее имя Алексей Максимович Пешков) родился 16 (28) марта 1868 в Нижнем Новгороде. Устойчивым легендам о его «босяческом» происхождении, что так импонировало революционно настроенной интеллигенции, противоречат Словарь Брокгауза и Ефрона (где говорится о нем, как о выходеце из среды «вполне буржуазной») и факты. Дед Горького по отцовской линии был офицером, правда, разжалованным — за жестокое обращение с подчиненными. Отец, Максим Савватеевич Пешков, будучи одаренным и удачливым человеком, добился значительного жизненного успеха. Некоторые черты его биографии затем повторит сын, но с большим размахом. В юности, сбежав из дома, Максим Савватеевич устроился учеником к драпировщику, а уже к тридцати годам стал управляющим конторы астраханского пароходства. Жenu свою, Варвару Васильевну, он по-гусарски «увез» из семьи купца Каширина, довольно состоятельного, не раз избиравшегося депутатом Нижегородской думы. Конфликт с самозванным зятем быстро разрешился, и брак был признан.

В трехлетнем возрасте сын Пешковых Алеша заболел холерой и заразил отца. Мальчик выжил, а отец ушел из жизни. Мать к сыну охладела, считая его виновником смерти горячо любимого мужа (в сознательном возрасте Алексей Пешков, без сомнения, ощущал на себе эту «роковую печать», будто в оправдание взяв имя отца — Максим — как литературный псевдоним). Вскоре мать отдала его на воспитание деду и бабушке Кашириным.

Василий Васильевич Каширин характер имел взрывной, деспотичный, и мальчик рос в атмосфере постоянных семейных скандалов. Тем не менее к внуку он был привязан, обучил его в шесть лет сначала церковно славянской грамоте, а лишь затем — современной. В девятилетнем возрасте мальчика отдали в Нижегородское Кунавинское училище, где он закончил два класса и был переведен в третий с похвальной грамотой за «отличные перед прочими успехи в науках и благонравие». В это время дед разорился и, не умея пережить удар судьбы и смириться с нищетой, заболел душевной болезнью. Одиннадцатилетний Алеша вынужден был оставить училище и отправиться «в люди», то есть обучаться какому-нибудь ремеслу.

С 1879 по 1884 он побывал учеником в обувной лавке, в чертежной и иконописной мастерских, на камбузе парохода «Добрый», где произошло событие, которое можно назвать стартовым для Алеши Пешкова на его пути к Максиму Горькому, — встреча с поваром по фамилии Смурый. Этот замечательный в своем роде кок, несмотря на малограмотность, был одержим страстью к собиранию книг, преимущественно в кожаных переплетах, что и определило «диапазон» его собрания — от готических романов Анны Радклиф до литературы на малорусском языке. Благодаря этой, по словам писателя, «самой странной библиотеке в мире» («Автобиография», 1897), он пристрастился к чтению и «читал все, что попадало под руку»: Гоголя, Некрасова, Скотта, Дюма, Флобера, Бальзака, Диккенса, журналы «Современник» и «Искра», лубочные книжки и франкмасонскую литературу...

Ощувив вкус к знанию, Алексей Пешков в 1884 отправился в Казань поступать в университет, но по бедности его «университетом» стала жизнь: поселившись в ночлежке среди будущих своих героев, бродяг и проституток, и работая чернорабочим, начал посещать кружки самообразования (чаще — марксистского), студенческие сходки, библиотеку нелегальных книг и прокламаций при булочной Деренкова, который взял его на работу подручным пекаря. Вскоре появился и наставник — один из первых марксистов в России Николай Федосеев... И вдруг, уже нащупав «судьбоносную» революционную

жилу, 12 декабря 1887 Алексей Пешков пытается покончить с собой (простреливает себе легкое). Причину этого одни биографы находят в его неразделенной любви к сестре Деренкова Марии, другие — в начавшихся репрессиях против студенческих кружков. Эти объяснения представляются формальными, поскольку совсем не идут к психофизическому складу Алексея Пешкова. По природе своей он был борец, и все препоны на пути только освежали его силы («диалектика» любого борца).

Думается, тут дело в *пути*, на который он ступил. Шла переформировка сознания, вытеснение из него того мальчика, который начал жизнь с церковно-славянской грамоты, тут и нечистый попутал (по Достоевскому: сердце человека — поле, где Бог с дьяволом борются). Этот бес мелькнул, кстати, в прощальной записке Алексея: «В смерти моей прошу обвинить немецкого поэта Гейне, выдумавшего зубную боль в сердце... Останки мои прошу взрезать и рассмотреть, какой черт сидел во мне последнее время». Чтобы осилить избранный путь, Алексею Пешкову предстояло стать другим человеком, и он им стал. Здесь невольно приходит на память фрагмент из «Бесов» Достоевского: «...в последнее время он замечен был в самых невозможных странностях. Выбросил, например, из квартиры своей два хозяйские образа и один из них изрубил топором; в своей же комнате разложил на подставках, в виде трех налоев, сочинения Фохта, Моле-шотта и Бюхнера (идеологи вульгарного материализма) и пред каждым налоем зажигал восковые церковные свечи».

За попытку самоубийства Казанская духовная консистория отлучила Пешкова от Церкви на семь лет.

Летом 1888 года Алексей Пешков начал свое знаменитое четырехлетнее «хождение по Руси», чтобы возвратиться из него уже Максимом Горьким. Поволжье, Дон, Украина, Крым, Кавказ, Харьков, Курск, Задонск (где посетил Задонский монастырь), Воронеж, Полтава, Миргород, Киев, Николаев, Одесса, Бессарабия, Керчь, Тамань, Кубань, Тифлис — вот неполный перечень его маршрутов. За время странничества работал грузчиком, железнодорожным сторожем, мойщиком посуды, батрачил в деревнях, добывал соль, был избит мужиками и лежал в больнице, служил в ремонтных мастерских, несколько раз подвергался аресту — за бродяжничество и за революционную пропаганду («Поливаю из ведрышка просвещения доброкачественными идейками, и таковые приносят известные результаты», — писал он в это время рдному из своих адресатов). В эти же годы пережил увлечение народничеством, толстовством (в 1889 заезжал в Ясную Поляну с намерением попросить у Льва Толстого участок земли для «земледельческой колонии», но их встреча не состоялась), переболел учением Ницше о сверхчеловеке, которое навсегда оставило в его воззрениях свои «оспины».

Первый рассказ «Макар Чудра», подписанный его новым именем — Максим Горький, вышел в 1892 в тифлисской газете «Кавказ» и ознаменовал своим появлением конец странничества. Горький вернулся в Нижний Новгород. Своим литературным крестным отцом он считал Владимира Короленко. По его протекции с 1893 начинает публиковать очерки в приволжских газетах, а через несколько лет становится постоянным сотрудником «Самарской газеты», где вышло более двухсот его фельетонов за подписью Иегудиил Хламида, а также рассказы «Песня о Соколе», «На плотях», «Старуха Изергиль» и др. Здесь же он познакомился с корректором «Самарской газеты» Екатериной Павловой Волжиной и, преодолев сопротивление матери браку дочери-дворянки с «нижегородским цеховым», в 1896 с ней обвенчался.

В следующем году, несмотря на обострившийся туберкулез и заботы с рождением сына Максима, Горький выпускает новые повести и рассказы, большинство из которых станут хрестоматийными: «Коновалов», «Зазубрина», «Ярмарка в Голтве», «Супруги Орловы», «Мальва», «Бывшие люди» и др. Вышедший в Петербурге первый двухтомник Горького «Очерки и рассказы» (1898) имел небывалый успех и в России, и за рубежом. Спрос на него был столь велик, что тут же потребовалось повторное издание — выпущено в 1899 в трех томах. Свою первую книгу Горький послал Чехову, перед которым

благоговел, тот откликнулся более чем щедрым комплиментом: «Талант несомненный, и притом настоящий, большой талант».

В этом же году дебютант приехал в Петербург и вызвал столичные овации: восторженная публика в его честь устраивала банкеты, литературные вечера. Его приветствовали люди из самых разных станов: критик-народник Николай Михайловский, «декаденты» Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, академик Андрей Николаевич Бекетов (дед Александра Блока), Илья Репин, написавший его портрет... «Очерки и рассказы» воспринимались как рубеж общественного самоопределения, и Горький сразу же стал одним из самых влиятельных и популярных русских писателей. Разумеется, интерес к нему подогревался и легендарной биографией — Горького-босняка, Горького-самородка, Горького-страдальца (к этому времени он уже несколько раз побывал в тюрьме за революционную деятельность и состоял под надзором полиции)... Много позже Горький со смехом расскажет Владиславу Ходасевичу, как один ловкий нижегородский издатель «книг для народа» уговаривал его написать свою биографию, приговаривая: «Жизнь ваша, Алексей Максимович, — чистые денежки».

«Очерки и рассказы», а также начавший выходить в издательстве «Знание» четырехтомник писателя «Рассказы» произвели на свет огромную критическую литературу — с 1900 по 1904 о Горьком вышла 91 книга! Такой прессы при жизни не имели ни Тургенев, ни Лев Толстой, ни Достоевский.

Художественное слово Горького, выйдя за пределы искусства, «открывало новый диалог с действительностью» (П. Палиевский). Максим Горький ввел в литературу не свойственный русским классикам наступательный стиль, призванный вторгнуться в реальность и радикально изменить жизнь. Он привел и нового героя — «талантливый выразитель протестующей массы», как писала газета «Искра». Его героико-романтические притчи «Старуха Изергиль», «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике» (1901) стали революционными воззваниями в поднимающемся пролетарском движении. Критики из предыдущего поколения обвиняли Горького в апологии босячества, в проповеди индивидуализма Ницше, но они спорили с волей истории. Горький, исходивший пешком всю Россию, с гениальным чутьем зверя ощущал ритмы своего времени и запахи новых идей, носящихся в воздухе.

В конце XIX — начале XX веков на фоне декадентства (упадничества) как реакция на него стали укореняться две мощные магнетические идеи: культ сильной личности, внушенный Ницше (здесь истоки знаменитых горьковских фраз: «Человек — это звучит гордо», «Жалость унижает человека»; его даже упрекали в том, что из Ницше он усвоил лишь одну формулу: падающего подтолкни), и социалистическое переустройство мира, внушенное Марксом. Это идеи эпохи. В эти же годы на другом краю света конкистадором входил в литературу американский «близнец» Горького — Джек Лондон: та же биография, начатая с бродяжничества, тот же культ сильного человека, способного сразиться с судьбой, то же причудливое соединение во взглядах теории Ницше о сверхчеловеке и социализма (хотя Ницше был яростным противником социализма, считая его заговором слабых и бездарных против сильной личности) и та же коварная месть любимых идей под занавес жизни.

В 1900 году Горький вступил в издательское товарищество «Знание» и десять лет был его идейным руководителем, объединив вокруг себя писателей, которых считал «передовыми». С его подачи здесь вышли книги Серафимовича, Андреева, Бунина, Скитальца, Гарина-Михайловского, Вересаева, Мамина-Сибиряка, Куприна и др.

Общественная работа ничуть не тормозила творческую: в журнале «Жизнь» выходят рассказ «Двадцать шесть и одна» (1899), романы «Фома Гордеев» (1899), «Трое» (1900—1901). 25 февраля 1902 тридцатичетырехлетнего Горького избирают почетным академиком по разряду изящной словесности, однако выборы были признаны недействительными. Подозревая Академию Наук в сговоре с властями, Короленко и Чехов в знак протеста отказались от звания почетных академиков.

В 1902 «Знание» отдельным изданием выпускает первую пьесу Горького «Мещане», премьера которой состоялась в том же году в знаменитом московском Малом художественном театре (МХТ), через полгода здесь же — триумфальная премьера пьесы «На дне», прошумевшая вскоре и на многих европейских подмостках. Вышедшая в том же «Знании» пьеса «Дачники» (1904) через несколько месяцев была сыграна в модном петербургском театре Веры Комиссаржевской; на этой же сцене были осуществлены постановки новых пьес Горького: «Дети солнца» (1905) и «Варвары» (1906).

Напряженная творческая работа не помешала ему сблизиться перед первой русской революцией с большевиками и «Искрой». Горький устраивал для них сборы денежных средств и сам вносил в партийную кассу щедрые пожертвования. В этой привязанности, видимо, не последнюю роль сыграла одна из самых красивых актрис МХТ Мария Федоровна Андреева, убежденная марксистка, тесно связанная с РСДРП; в 1903 она стала гражданской женой Горького. Она же привела к большевикам и мецената Савву Морозова, ее горячего поклонника и почитателя Горького. Богатый московский промышленник, финансировавший МХТ, он стал отпускать значительные суммы и на революционное движение. (В 1905 Савва Морозов на почве психического расстройства застрелился в Ницце. Немирович-Данченко объяснял это так: «Человеческая природа не выносит двух равносильных противоположных страстей. Купец... должен быть верен своей стихии».)

Горький принимал активное участие в довольно темных событиях 8–9 января 1905, до сих пор так и не нашедших своей внятной исторической версии. В ночь на 9 января писатель вместе с группой интеллигентов посетил председателя кабинета министров Витте, чтобы предотвратить готовящееся кровопролитие; в то же самое время на его квартире укрывался Г.А. Гапон. Вместе с группой большевиков Максим Горький участвовал в шествии рабочих к Зимнему дворцу и был свидетелем разгона демонстрации. В этот же день он написал воззвание «Ко всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств», где обвинял министров и Николая II «в предумышленном и бессмысленном убийстве множества русских граждан». 11 января он уехал в Ригу, там был арестован, доставлен в Петербург и заключен в отдельную камеру Трубецкого бастиона Петропавловской крепости как государственный преступник.

За месяц, проведенный в одиночке, написана пьеса «Дети солнца», задуманы повесть «Мать» и пьеса «Враги». В защиту плененного Горького выступили Герхард Гауптман, Анатолий Франс, Огюст Роден, Томас Гарди и др. Европейский шум вынудил правительство освободить его и прекратить дело «по амнистии». «Буревестник революции», как называли Горького, остался верен этой своей задаче. Его дача в Куоккале, где он поселился, стала пунктом переправки нелегальной литературы в Россию и местом встречи с зарубежными революционными миссионерами.

Вернувшись в Москву, Горький начал публикацию своих «Заметок о мещанстве» (1905) в большевистской газете «Новая жизнь», в которых осуждал «достоевщину» и «толстовство», называя проповедь непротivления злу и нравственного совершенствования мещанской. Во время декабрьского восстания 1905 московская квартира Горького, охраняемая кавказской дружиной, стала центром, куда свозилось оружие для боевых отрядов и доставлялась вся информация.

После подавления московского восстания из-за угрозы нового ареста в начале 1906 Горький и Андреева эмигрировали в Америку, где занялись сбором денег для большевиков. Горький протестовал против предоставления царскому правительству иностранных займов для борьбы с революцией, опубликовав воззвание «Не давайте денег русскому правительству». Соединенные Штаты, не позволяющие себе никакого либерализма, когда дело касается защиты своей государственности, развернули газетную кампанию против Горького как носителя «революционной заразы». Поводом послужил его неофициальный брак с Андреевой. Ни один отель не согласился принять Горького и сопровож-

дающих его людей, он поселился, благодаря рекомендательному письму Исполнительного комитета РСДРП и личной записке Ленина, у частных лиц.

Во время своего турне по Америке Горький выступал на митингах, давал интервью, познакомился с Марком Твенем, Гербертом Уэллсом, другими известными деятелями, с помощью которых создавалось общественное мнение о царском правительстве... На революционные нужды удалось собрать всего 10 тысяч долларов, зато более серьезным результатом его поездки стал отказ США предоставить России заем в полмиллиарда долларов. Там же Горьким были написаны публицистические работы «Мои интервью» и «В Америке» (которую он назвал страной «желтого дьявола»), а также пьеса «Враги» и повесть «Мать» (1906). В последних двух вещах (их называют «художественными уроками первой русской революции») многие русские литераторы увидели «конец Горького». «Какая уж это литература! – писала Зинаида Гиппиус. – Даже не революция, а русская социал-демократическая партия сжевала Горького без остатка». Александр Блок называл «Мать» слабой, а «Мои интервью» — плоскими.

Через полгода Максим Горький покинул США и поселился на острове Капри (Италия), где прожил до 1913. Итальянский дом Горького стал прибежищем для многих русских политэмигрантов и местом паломничества для его почитателей. В 1909 на Капри была организована партийная школа для рабочих, присылаемых из России партийными организациями. Горький читал здесь лекции по истории русской литературы. Приезжал в гости к Горькому и Ленин, с которым писатель познакомился на 5-м (Лондонском) съезде РСДРП и с тех пор вел переписку, хотя в то время Горький был ближе к Плеханову и Луначарскому, представлявшими марксизм как новую религию с откровением о «реальном боге» — пролетарском коллективе. В этом они расходились с Лениным, у которого слово «Бог» в любых интерпретациях вызывало ярость.

На Капри, помимо огромного количества публицистических работ, Горьким были написаны повести «Жизнь ненужного человека», «Исповедь» (1908), «Лето» (1909), «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина» (1910), пьесы «Последние» (1908), «Встреча» (1910), «Чудаки», «Васса Железнова» (1910), цикл рассказов «Жалобы», автобиографическая проза «Детство» (1912—1913), а также рассказы, которые позже войдут в цикл «По Руси» (1923). В 1911 Горький начал работать над сатирой «Русские сказки» (закончил в 1917), в которых разоблачал черносотенство, шовинизм, декадентство.

В 1913 в связи с 300-летием Дома Романовых была объявлена политическая амнистия и Горький вернулся в Россию. Поселившись в Петербурге, он начинает большую издательскую деятельность, что отодвинуло художественное творчество на второй план. Издает «Сборник пролетарских писателей» (1914), организует издательство «Парус», выпускает журнал «Летопись», который с самого начала Первой мировой войны занял антимилитаристскую позицию и выступал против «мировой бойни» — здесь Горький сходил с большевиками.

В списке сотрудников журнала числились писатели самых разных направлений: Бунин, Тренёв, Пришвин, Луначарский, Эйхенбаум, Маяковский, Есенин, Бабель и др. В это же время написана вторая часть его автобиографической прозы «В людях» (1916).

В 1917 взгляды Горького резко разошлись с большевистскими. Октябрьский переворот он считал политической авантюрой и опубликовал в газете «Новая жизнь» цикл очерков о событиях 1917–1918, где нарисовал страшные картины одичания нравов в охваченном красным террором Петрограде; в 1918 очерки вышли отдельным изданием «Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре». В этом же году газета «Новая жизнь» была закрыта как контрреволюционная.

Пытаясь перевести разрушительные революционные стихии в созидательную сферу, в августе 1918 Горький организует издательство «Всемирная литература», которое в самые голодные годы кормило многих русских писателей переводами и редакторской работой. По инициативе Горького была создана и Комиссия по улучшению быта ученых.

По свидетельству Владислава Ходасевича, в эти трудные времена в квартире Горького с утра до ночи шла толчея: «У него просили заступничества за арестованных, через него добывали пайки, квартиры, одежду, лекарства, жиры, железнодорожные билеты, командировки, табак, писчую бумагу, чернила, вставные зубы для стариков и молоко для новорожденных...» Только однажды мемуарист видел, как Горький отказал в просьбе — это был клоун Дельвари, который просил писателя стать крестным его ребенка: «Горький вышел весь красный, долго тряс руку, откашливался и наконец сказал: «...Глубочайше польщен, понимаете, но, к глубочайшему сожалению, понимаете, никак не могу. Как-то оно, понимаете, не выходит, так что вы уже простите великодушно». Это, видимо, относилось к тому, о чем Горький говорил: «Нельзя, биографию испортишь», — по наблюдениям того же Ходасевича.

На фоне растущего красного террора все более углублялось скептическое отношение писателя к возможности «строительства социализма и коммунизма» в России. Его авторитет среди политбоссов начал падать, особенно после ссоры с всесильным комиссаром Северной столицы Г.Е. Зиновьевым. Против него была направлена драматическая сатира Горького «Работяга Словотеков», поставленная в петроградском Театре народной комедии в 1920 и сразу же запрещенная прототипом главного героя.

16 октября 1921 Максим Горький покинул Россию, сначала жил в Германии и Чехословакии, а в 1924 поселился на вилле в Сорренто (Италия). Положение у него было двойственное: с одной стороны, он неоднократно и довольно резко критиковал советскую власть за нарушение свободы слова и запреты на инакомыслие, с другой — противостоял русской эмиграции своей приверженностью к идее социализма.

В это время полновластной хозяйкой горьковского дома стала «русская Мата-Хари» — Мария Игнатьевна Бенкендорф (впоследствии баронесса Будберг; о ней Нина Берберова написала любопытнейшую книгу «Железная женщина»). К примирению с Советской Россией, по утверждению Ходасевича, Горького склоняла Мария Игнатьевна. При Горьком жил со своей семьей его сын Максим (которого за беспечную жизнь прозвали советским принцем), кроме домочадцев, непременно кто-то гостил — русские эмигранты и советские вожди, именитые иностранцы и почитатели таланта, просители и начинающие литераторы, беглецы из России и просто странники. Судя по многим воспоминаниям, в денежной помощи Горький никогда никому не отказывал. Достаточные средства для содержания дома Горькому могли дать только большие тиражи российских изданий.

В период своей второй эмиграции ведущим жанром Горького стала художественная мемуаристика. Он написал третью часть автобиографии «Мои университеты», воспоминания о В. Короленко, Л. Толстом, Л. Андрееве, А. Чехове, Н. Гарине-Михайловском и др. В 1925 Горький закончил роман «Дело Артамоновых» и начал работу над грандиозной эпопеей «Жизнь Клима Самгина» — о русской интеллигенции в переломный период русской истории. Несмотря на то, что это произведение осталось незавершенным, многие критики считают его центральным в творчестве писателя.

В 1928 Максим Горький вернулся на Родину. Встретили его с большим почетом. На государственном уровне было организовано его турне по советской стране: Юг России, Украина, Кавказ, Поволжье, новые стройки... Все это произвело на Горького грандиозное впечатление, что отразилось в его книге «По Союзу Советов» (1929). В Москве писателю выделили для жилья знаменитый особняк Рябушинского, для отдыха — дачи в Крыму и под Москвой (Горки), для поездок в Италию и Крым — специальный вагон. Начались многочисленные переименования улиц и городов (Нижний Новгород был назван Горьким; в наше время ему вернули историческое название). 1 декабря 1933 в «ознаменование 40-летия литературной деятельности» Максима Горького был открыт первый в России Литературный институт, названный его именем. По инициативе писателя организуются журналы «Наши достижения», «Литературная учеба», создается знаменитая серия «Библиотека поэта», образован Союз писателей и т. д.

Последние годы жизни Максима Горького, а также гибель его сына и смерть самого писателя, овеяны всевозможными слухами, догадками и легендами. Сегодня, когда открыты многие документы, стало известно, что после возвращения на Родину Горький находился под жесткой опекой ГПУ, возглавляемого Г.Г. Ягодой. Секретарь Горького П.П. Крючков, связанный с органами, вел все его издательские и денежные дела, стараясь изолировать писателя от советской и мировой общественности, поскольку Горькому далеко не все нравилось в «новой жизни». В мае 1934 при загадочных обстоятельствах погиб его сын Максим.

В своих мемуарах Ходасевич вспоминает, что еще в 1924 через Екатерину Павловну Пешкову Максима приглашал вернуться в Россию Феликс Дзержинский, предлагая работу в своем ведомстве. Горький этого не допустил, произнеся фразу, похожую на пророческую: «Когда у них там начнется склока, его прикончат вместе с другими, — а мне этого дурака жалко». Тот же Ходасевич высказал и свою версию убийства Максима: причиной этого он считал влюбленность Ягоды в красавицу-жену Максима (слухи об их связи уже после смерти Максима ходили среди русской эмиграции).

Максим Горький скончался 18 июля 1936 от болезни легких, а вскоре был объявлен жертвой «троцкистско-бухаринского заговора». Против врачей, лечивших писателя, был открыт громкий судебный процесс...

Некоторые исследователи считают, что «отрицательный» Лука из пьесы «На дне» — «старец лукавый» с его утешительной ложью — это подсознательное «я» самого Горького, который, по многим воспоминаниям, любил в жизни предаваться возвышающим обманам. Ведь не случайно Луку так истово защищает «положительный» босяк Сатин: «Я понимаю старика... да! Он врал... но — это из жалости к вам, черт вас возьми!»

О своих «положительных» босяках, в которых революционная интеллигенция видела пробуждающееся пролетарское сознание, Горький писал — после опыта революции 1905: «Вообще русский босяк — явление более страшное, чем мне удалось сказать, страшней человек этот прежде всего и главнейше — невозмутимым отчаянием своим, тем, что сам себя отрицает, извергает из жизни».

Если правда, что Горький умер насильственной смертью, получается — сама жизнь дописала финал его знаменитой пьесы «На дне»: Луку убил получивший государственный чин босяк Сатин.